А. Кривопапов

**ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ
БЕЛОРУССИИ ДЛЯ РОССИИ**

DOI: 10.20542/2073-4786-2024-4-40-50

Кривопапов Алексей Алексеевич, кандидат исторических наук, ИМЭМО РАН (РФ, г. Москва), старший научный сотрудник Центра постсоветских исследований,

ORCID 0000-0002-7916-036X, krivopalov@centero.ru

Статья поступила в редакцию 29.11.2024. Одобрена
после рецензирования 16.12.2024. Принята к публикации 18.12.2024.

Аннотация: Статья рассматривает военно-стратегическое значение белорусского союзника для России в связи с событиями Специальной военной операции на Украине. Автор заостряет внимание на том, что понятия боевой и мобилизационной готовности вооруженных сил не тождественны друг другу. В отличие от боевой, мобилизационная готовность белорусской армии традиционно оставалась низкой. Из-за скудости оборонного бюджета сухопутные войска содержатся в максимально сокращенных штатах мирного времени. Систематическая организационная работа, необходимая для поддержания общевойсковых соединений в перманентной готовности к мобилизационному развертыванию, не проводится. К постоянно боеготовым относятся лишь немногочисленные Силы специальных операций. Хотя белорусская военная система изначально не была ориентирована на ведение большой войны, стратегически Белоруссия для России очень важна, прежде всего в территориально-географическом измерении.

Ключевые слова: внешняя политика, стратегия, международные отношения, СВО, Россия, Белоруссия, вооруженные силы, Украина, оборонное строительство.

BELARUS'S MILITARY-POLITICAL SIGNIFICANCE FOR RUSSIA

Alexey A. Krivopalov. Cand. Sci. (History), IMEMO (Moscow, Russian Federation), Senior Researcher of the Center for Post-Soviet Studies, ORCID 0000-0002-7916-036X, krivopalov@centero.ru

Received 29.11.2024. Revised 16.12.2024. Accepted 18.12.2024.

Summary: This article examines the military-strategic importance of the Belarusian ally for Russia in connection with the events of the Special Military Operation in Ukraine. The author focuses on the fact that the concepts of combat and mobilization readiness of the armed forces are not identical to each other. Unlike the combat readiness, the mobilization readiness of the Belarusian army has traditionally remained low. Due to defense budget limitations, the ground forces had only skeleton personnel strength. The systematic preparations necessary to maintain the units in permanent readiness for deployment are neglected. Only a few Special Operations Forces are constantly on alert. Although the Belarusian military system was not initially focused on waging a major war, Belarus is strategically very important for Russia, primarily in the territorial geographical dimension.

Keywords: foreign policy, national military strategy, international relations, Special Military Operation, Russia, Belarus, armed forces, Ukraine, national security strategy.

За истекшие три десятилетия Белоруссия зарекомендовала себя наиболее надежным союзником России на постсоветском пространстве. Официальный Минск принимает участие уже в третьем поколении инициированных Москвой интеграционных объединений, начиная с образованного в конце 1991 г. Содружества Независимых Государств и заканчивая созданным в 2014 г. Евразийским экономическим союзом. В 2002 г. Белоруссия стала членом Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Формой партнерства, призванной символизировать особый характер двусторонних отношений, стало образование 8 декабря 1999 г. так называемого Союзного государства.

До 2014 г., в условиях отсутствия прямой и актуальной военной опасности, задуманная в рамках ОДКБ объединенная российско-белорусская группировка на Западном направлении не имела очевидного стратегического предназначения. В результате военных преобразований 2000–2010-х гг. и приведения российских вооруженных сил к «новому облику» общая стратегическая диспозиция оказалась в значительной мере пересмотренной. Московский и Ленинградский военные округа фактически становились тыловыми по отношению к Северокавказскому. На исходе 2000-х гг., исключая высококомобильные дивизии воздушно-десантных войск, Россия содержала на

Западном направлении абсолютный исторический минимум крупных общевойсковых соединений постоянной готовности [1, с. 138]. Таким образом, основная функция Западного направления фактически ограничивалась обеспечением противовоздушной и противоракетной обороны.

Наиболее важные российские военные объекты в Белоруссии – 43-й узел связи ВМФ в Вилейке и стационарная радиолокационная станция 70М6 «Волга» в районе Барановичей, входящая в состав системы предупреждения о ракетном нападении, – оставались реликтами эпохи холодной войны. Хотя РЛС «Волга» была введена в строй в 2002 г., начало этому проекту было положено в 1984 г. в связи с развертыванием на потенциальном Европейском театре американских ракет средней дальности MGM-31C Pershing II [2].

Советское военное наследство

До распада Советского Союза на территории Белорусского военного округа дислоцировались четыре армии: 28-я общевойсковая, 5-я гвардейская танковая и 7-я танковая. Авиационная компонента была представлена 26-й воздушной армией. К концу 1980-х годов в ее составе имелось управление 1-й гвардейской бомбардировочной и 95-й истребительной дивизии, насчитывавшие в общей сложности семь авиаполков. В Витебске дислоцировалась 103-я гвардейская воздушно-десантная дивизия, которая в 1979–1989 гг. находилась в Афганистане, а по возвращении оттуда вместе с ней прибыли 378-й штурмовой, 50-й смешанный авиаполки и 181-й вертолетный полк. Кроме того, в Быхове базировалась 57-я морская ракетноносная авиационная дивизия Балтийского флота, в Бобруйске – 22-я гвардейская тяжелая бомбардировочная дивизия 46-й воздушной армии верховного главнокомандования, а в Витебске – 3-я гвардейская военно-транспортная авиационная дивизия.

Воздушное прикрытие осуществляла 2-я армия ПВО, располагавшая на территории округа 11-м корпусом, в составе которого имелось два истребительных авиаполка, пять зенитно-ракетных бригад, два зенитно-ракетных полка и две радиотехнические бригады. На территории Белорусского округа находились некоторые дивизии 50-й ракетной армии РВСН. В конце 1989 г. округ насчитывал примерно 243 тыс. военнослужащих. Еще 181 тыс. человек относилось к силам РВСН. Эти войска располагали 2200 танками, 1800 БМП и БТР, 900 орудиями, минометами и РСЗО, 360 вертолетами.

В результате вывода Советской армии из Восточной Европы на территорию Белоруссии прибыли: в Слоним – 11-я гвардейская танковая дивизия без одного танкового полка; в Заслоново – 19-я гвардейская танковая дивизия; в поселок Марьина Горка – 30-я гвардейская мотострелковая дивизия без зенитно-ракетного полка; в Осиповичи – 22-я и 27-я ракетные бригады; в Минск – 127-я отдельная бригада связи и 65-я автомобильная бригада. С 6 мая 1992 г. войска Белорусского военного округа стали основой армии Республики

Беларусь, которой, за исключением частей РВСН, перешло и фактически все вооружение дислоцированных в округе соединений [3, с. 452-453].

Белорусская военная организация при А. Лукашенко

Первоначальное освоение советского военного наследия заняло большую часть 1990-х годов. Основным содержанием военной политики Минска стало обвальное сокращение численности вооруженных сил. Лишь в начале XXI в. начался содержательный этап оборонного строительства, в результате которого была создана современная военная организация Белорусского государства.

Переломным моментом на этом пути оказались прошедшие в августе–сентябре 2001 г. оперативно-стратегические учения «Неман-2001», ставшие крупнейшими в новейшей истории Белоруссии. Учения продемонстрировали ограниченную боевую ценность кадрированных соединений, из которых тогда состояли сухопутные войска. Поэтому в начале 2002 г. были доукомплектованы по штату две мобильные бригады – 38-я и 317-я, имевшие корни в советских ВДВ и армейском спецназе. Для доукомплектования пришлось расформировать третью бригаду. Мобильные бригады стали единственными постоянно боеготовыми крупными соединениями сухопутных войск Белоруссии. Остальная армия сохранила сокращенную структуру мобилизационного типа, которой придерживается до сих пор.

В 2002 г. было принято решение о создании Территориальных войск как средства быстрой мобилизации резервов в случае вооруженного конфликта. В следующем десятилетии работа над поиском оптимального формата Территориальных войск и резервов продолжилась. Наиболее крупной инновацией стало создание в 2007 г. командования Сил специальных операций (ССО), которому были подчинены мобильные части ВДВ и спецназа. События 2014 г. на Украине закрепили уверенность белорусского руководства в правильности выбранного курса. При обновлении техники силы специальных операций получили приоритет [4, с. 39-40].

В 2012 г. по соображениям экономии Белоруссия отказалась от сравнительно более дорогих в повседневной эксплуатации истребителей Су-27 и бомбардировщиков Су-24. В составе ВВС остались только легкие истребители МиГ-29 и неприхотливые штурмовики Су-25. Обновление парка учебно-тренировочных самолетов произошло только в 2019 г. после закупки в России 12 Як-130. В 2016–2017 гг. Министерство обороны получило по контракту с Россией 12 новых Ми-8МТВ-5, которые были доставлены на авиабазу в Мачулищах, что позволило значительно увеличить возможности ВВС, ПВО и Сил специальных операций [4, с. 49].

По состоянию на 2019–2021 гг. номинальная численность вооруженных сил республики составляла 48–50 тыс. человек. Ежегодно на срочную службу призывается около 10 тыс. человек на срок 12–18 месяцев. Еще 15 тыс.

числятся в составе военизированных формирований милиции и пограничной охраны. Предельный возраст пребывания в запасе – 65 лет, обученный резерв насчитывает 290 тыс. человек. В мирное время на военной службе находится не более 10–15 тыс. [5, р. 5].

Сухопутные войска Белоруссии разделены на два примерно равноценных по структуре оперативных командования – Западное и Северо-Западное. По своим силам они примерно соответствуют армейским корпусам. В состав каждого командования входят две механизированные бригады, одна база хранения (свернутая бригада), артиллерийская группировка из бригады и полка, а также части обеспечения – инженерные, связи, снабжения, РЭБ, РХБЗ и другие.

Большинство частей сухопутных войск находится «в кадрах», их общая численность не превышает 15–17 тыс. человек. Западное командование прикрывает Польское направление, Северо-Западное ориентировано на Прибалтийские государства. Войска вооружены в основном советской техникой, которая устарела морально и физически. Поставки новой и модернизированной техники для сухопутных войск крайне ограничены. Формально Белоруссия имеет на вооружении 1276 танков, но подавляющее большинство из них находится в резерве. В строю числятся только 446 танков Т-72Б и Т-72БЗ, которые составляют основу парка действующих частей, но это количество представляется завышенным, поскольку требует содержания 11 развернутых танковых батальонов в четырех имеющихся в сухопутных войсках механизированных бригадах, что, очевидно, не соответствует действительности [4, с. 43].

Способность массовой кадрово-резервной армии принять участие в боевых операциях большого масштаба зависит в первую очередь от эффективности ее мобилизационного аппарата. Без длительного и трудоемкого мобилизационного развертывания Белоруссия, по существу, не способна выставить на поле боя более 6 тыс. человек в составе трех бригад Сил специальных операций. Подготовка обученного запаса и систематические проверочные мобилизации резервистов при имеющемся скромном оборонном бюджете невозможны [5, р. 4].

Ввиду отсутствия актуальной военной угрозы президент А. Лукашенко получил возможность серьезно экономить на оборонном строительстве. На эти цели тратилось в среднем лишь около 1,2% ВВП. Военный бюджет страны с населением 9,5 млн. человек, по данным 2021 г., достигал 638 млн долл. – примерно столько же, сколько в Армении, почти втрое меньше, чем в Азербайджане, и вшестеро меньше, чем на Украине до начала СВО [6, р. 181, 185, 211]. По данным на 2019–2020 гг. военный бюджет Белоруссии вдвое уступал расходам по ведомству Министерства внутренних дел, достигавшим 1,1 млрд долл. Начало СВО и острая фаза противостояния России с державами Запада не сопровождалась резким ростом оборонных расходов – бюджет на 2023 г. составил 994 млн. долл. [7, pp. 182-184].

Таким образом, белорусские вооруженные силы имеют ограниченный самостоятельный боевой потенциал. Их численность и возможности уступают даже силам восточноевропейских членов НАТО, не говоря уже о Североатлантическом блоке в целом. Армия не имеет практического боевого опыта, а ее боевая подготовка достаточно формальна [4, с. 59].

Силы специальных операций

Примерно с 2002 г. армия президента А. Лукашенко делится на две неравные части – командование Сухопутных сил и командование Сил специальных операций. Как было отмечено выше, основная масса сухопутных войск представлена кадрированными соединениями, сохраняющими минимальный состав по штатам мирного времени. Без проведения длительной и затратной мобилизации танковые и механизированные соединения белорусской армии практически небоеспособны. Возможно, исключение составляет 120-я механизированная бригада в столичном регионе, которая укомплектована несколько лучше остальных.

Под видом Сил специальных операций белорусское руководство фактически создало параллельную сухопутную армию, которая, по сути, выступает в качестве личной «преторианской гвардии» президента Лукашенко. На 2020 г. в ССО имелось три бригады – десантно-штурмовая, воздушно-десантная и специального назначения, а также два отдельных батальона. Их состав оценивался в 4–6 тыс. человек. Учитывая, что в сухопутных войсках в общей сложности насчитывалось лишь 17 тыс. человек, такая численность ССО представляется весьма значительной.

Под флагом отдельного командования сведены части, которые в реальности не являлись частями специального назначения, а представляли собой наиболее подготовленные и укомплектованные элитные соединения. В состав ССО входят 38-я отдельная десантно-штурмовая бригада (Брест), 103-я отдельная воздушно-десантная бригада (Витебск) и 5-я отдельная бригада специального назначения (Марьино Горка), 33-й отдельный отряд специального назначения (Витебск), 91-й отдельный батальон охраны и обслуживания командования ССО, 742-й отдельный полевой узел связи командования ССО [4, сс. 44-45].

Десантирование не является основной задачей двух бригад, образующих ядро ССО. Названия «десантные» были возвращены им в качестве почетных. При сохранении базовой воздушно-десантной подготовки и готовности к специальным задачам они по-прежнему во многом остаются тем, из чего были сформированы – мобильными легкими пехотными бригадами, какими они были до преобразования в отдельное Командование.

Особое внимание в ССО уделено колесной технике. Для полного перевооружения Министерству обороны не хватало средств, однако эти

бригады получили несколько батальонных комплектов отремонтированных и модернизированных БТР-70МБ1 и БТР-80, грузовиков МАЗ для перевозки личного состава, броневедомостей «Тигр» и китайских аналогов HMMWV – броневиков «Дунфэн Мэнши». Это позволяет бригадам поддерживать высокую мобильность на территориях с развитой дорожной сетью. Как и остальные вооруженные силы Белоруссии, ССО сохраняют смешанный принцип комплектования. Одновременно в них проходят службу и призывники, и контрактники. Полностью профессиональными в них остаются лишь немногочисленные отдельные подразделения [4, с. 46].

Основная часть ССО содержится в штатах мирного времени, а потому в случае войны также должна пройти доукомплектование. Но даже при смешанном комплектовании и частично кадровой структуре ССО являются наиболее боеспособной частью сухопутных сил. Они чаще тренируются, имеют больший процент новой и модернизированной боевой техники, более современное вооружение и тактику [4, с. 47].

Состояние военно-промышленной базы белорусских вооруженных сил

В советской Белоруссии размещалось около 120 предприятий и организаций союзного оборонно-промышленного комплекса. К 1995 г. на предприятиях ВПК было занято 245 тыс. человек, что составляло 16,3% от общего числа работающих в тяжелой промышленности. Белорусские предприятия в большинстве случаев специализировались на изготовлении комплектующих и систем, принимая участие в замкнутых технологических производствах более крупных объединений, расположенных в РСФСР или в других республиках.

После распада СССР Белоруссия столкнулась с частичным разрывом прежних кооперационных связей и значительным сокращением выпуска продукции. В целях вывода отрасли из кризиса в 2003 г. был создан Государственный военно-промышленный комитет. К концу 2010-х годов в ведении Комитета находилось 23 основных оборонных предприятия, на которых работало около 17 тыс. человек [8].

В канун острого внутривосточного кризиса 2020 г. на Россию приходилось почти 70% белорусского оружейного экспорта [9, pp. 45-46]. Между Москвой и Минском было заключено более 40 двусторонних договоров о военном и военно-техническом сотрудничестве [4, с. 51]. Белоруссия специализируется на производстве многоосных шасси, РСЗО, станций связи и оптических приборов наблюдения. В стране удалось сохранить все 15 оружейных НИИ и КБ, унаследованных от БССР [4, с. 56]. Важнейшей в коммерческом отношении нишей специализации белорусского оборонно-промышленного комплекса является глубокая модернизация устаревших советских систем ПВО [4, с. 57].

От внутривнутриполитического кризиса 2020 г. до начала СВО

В течение первых 20 лет своего правления А. Лукашенко создал компактную армию, необременительную для народного хозяйства страны, вступил в ОДКБ и в своей публичной риторике неустанно подчеркивал «авангардное» положение Белоруссии в Союзном государстве. Однако до 2014 г. роль стража Западного стратегического направления требовала от него в основном символических усилий, поскольку опасность на западных рубежах казалась тогда чисто гипотетической. Военная доктрина, принятая в июле 2016 г., в числе наиболее актуальных угроз перечисляла «гибридные методы» и «цветные революции» [7, pp. 182-184].

Претензии Лукашенко на внешнеполитическую самостоятельность [10, с. 75] и последовательное отстаивание им своих экономических интересов [11, с. 8] в глазах Москвы уравнивались тем, что Минск никогда не создавал России острых проблем военно-стратегического плана. После массовых протестов 2020 г., спровоцированных непризнанием оппозицией итогов президентских выборов, пространство для многовекторных флуктуаций, оставшееся в распоряжении Лукашенко, до предела сократилось. Поскольку стабилизация белорусского режима была достигнута в значительной степени благодаря экономической и политической поддержке Кремля, в дальнейшем официальный Минск не имел возможности уклониться от содействия России в подготовке военного решения украинского кризиса. СВО связала обе страны теснее, чем когда бы то ни было прежде.

Согласно польским аналитическим материалам, после 2020 г. зависимость Минска от Москвы критически возросла, и в военно-техническом отношении А. Лукашенко всецело полагался на В. Путина. По мере того как собственные возможности белорусской армии постепенно становились чисто символическими, наметилась тенденция их перерождения в стратегический придаток российской армии. При этом наибольшую тревогу в Варшаве вызывает стремительное освоение российской армией так называемого «Белорусского балкона» [12; 13; 14; 15].

В 2010-е годы регулярно проводились совместные российско-белорусские учения. В 2009, 2013, 2017 и 2021 гг. проходили учения «Запад», а в 2006, 2011, 2015 и 2019 гг. – учения «Щит союза». Численность задействованного в них личного состава обычно составляла 10–15 тыс. человек, однако в учениях «Запад – 2021» было занято до 200 тыс. военнослужащих [16].

Маневры «Запад – 2021» и «Союзная решимость – 2022» в организационном отношении фактически предварили развертывание российской армии на Полесском направлении накануне начала СВО. Согласно западным оценкам, на территорию Белоруссии было введено около 30 тыс. человек, боевая и военно-транспортная авиация [17]. В феврале 2022 г. было получено конституционное одобрение для любых форм российского военного

присутствия и размещения на территории страны тактического ядерного оружия, последовавшего летом 2023 г. [5, р. 6].

Русская версия американского “Nuclear Sharing” едва ли была продиктована прямой военной необходимостью, так как достигавшееся за счет передового развертывания сокращение подлетного времени баллистических и крылатых ракет в этом случае было чисто символическим. В целом решение о строительстве в непосредственной близости от границ условного противника российской стратегической ядерной «витрины» логически укладывалось в типичную для холодной войны систему внешнеполитических мер перестраховки и взаимной предупредительной сигнализации [18, с. 187].

В 2022 г. решающим вкладом Лукашенко в военно-стратегическую копилку Союзного государства оказалось физическое пространство страны. Для российской стратегии выдвинутый далеко на запад, пересекающий Днепр и нависающий над Киевом «Белорусский балкон» как потенциальный операционный базис по своему значению далеко опережал ценность белорусских вооруженных сил.

Именно с территории Белоруссии в начальной фазе СВО был сделан выпад в направлении западных пригородов Киева, в том числе операция воздушно-десантных войск по овладению Гостомельским аэродромом. Как известно, стремительный выход к Киеву, задуманный в качестве основного элемента психологического воздействия на украинское руководство, но осуществленный недостаточными силами и при неадекватном тыловом обеспечении, не дал военного решения.

Замысел российского командования состоял в нанесении внезапных ударов с нескольких направлений при быстром продвижении вглубь украинской территории для овладения крупными городами. Расчет делался на быструю деморализацию украинского руководства и личного состава силовых структур, сдачу в плен или переход офицеров украинской армии на российскую сторону [19].

После месяца ожесточенных боев российское командование смирилось с неудачей и сняло осаду Киева. Войска вернулись на исходные рубежи, а затем и вовсе покинули территорию Белоруссии. Центр тяжести вооруженной борьбы переместился на Донбасс, где продолжает оставаться вплоть до настоящего момента. Первоначальная 30-тысячная группировка значительно сократилась. В январе 2023 г. Россия имела в Белоруссии 9 тыс. человек, а летом 2024 г. – 2 тыс. [17].

В 2022–2024 гг. в Белоруссии не наблюдалось каких-либо признаков мобилизационной подготовки, что достаточно ясно характеризовало намерения ее лидера. Периодически возобновлявшиеся военные приготовления Белоруссии на польской, литовской и в особенности на украинской границе сохраняли свой демонстрационный характер. С точки зрения Москвы, Белоруссия по-прежнему значительно более ценна в качестве трамплина для возможного в будущем повторного развертывания российских войск и

передовой географической позиции, захлестывающей с севера Днепровский оборонительный рубеж ВСУ, нежели в качестве активного участника боевых действий на российско-украинском фронте.

* * *

Взаимоотношения Минска и Москвы после 2000 г. складывались достаточно противоречиво. При всех вариантах многовекторности белорусский союзник не угрожал подорвать внешнеполитическое положение России своим возможным присоединением к западным интеграционным структурам. Несмотря на тревожные националистические тенденции в культурной политике и неизменную требовательность в вопросе скрытого субсидирования белорусской экономики, Минск никогда не создавал Москве по-настоящему опасных военно-стратегических затруднений. Практически на интуитивном уровне президент А. Лукашенко умел безошибочно определять, где находится точка невозврата в его отношениях с В. Путиным.

Предоставив белорусскую территорию для боевого развертывания российской армии накануне 24 февраля 2022 г., Лукашенко тем самым сделал исторический выбор и практически лишил себя пространства для дальнейших внешнеполитических маневров. Он не вступил в конфликт напрямую, но ведь белорусская мобилизационная система изначально не была рассчитана на ведение полномасштабной войны. В критический момент белорусский союзник оказал России совершенно беспрецедентное содействие, пропустив ее армию на «Белорусский балкон». Стратегическое значение Белоруссии, при всех недостатках ее вооруженных сил и оборонно-промышленного потенциала, невозможно переоценить. Эта страна важна не с точки зрения возможного приращения российской военной мощи, но, главным образом, в территориально-географическом измерении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зверев Ю.М., Межевич Н.М. 2019. Безопасность в Восточной Балтике. К военным учениям России и Беларуси «Щит Союза – 2019». Экспертный доклад. СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС.
2. Нечаев Е.Е., Большаков Ю.П. 2007. Ретроспективный обзор создания и развертывания наземных радиолокационных станций целеуказания в России (Часть II) // Научный вестник МГТУ ГА. № 117. С. 117-136.
3. Феськов В.И., Голиков В.И., Калашников К.А., Слугин С.А. 2013. Вооруженные силы СССР после Второй мировой войны: от Красной Армии к Советской. Ч. 1. Сухопутные войска. Томск: Издательство НТЛ. 640 с.

4. Союзники. 2020. М.: Центр Анализа Стратегий и Технологий. 176 с.
5. Belarus: Military Obligations in the Context of Russia`s War in Ukraine // DIDR-OFPRA. Information, Documentation and Research Division. 19 June 2023.
6. The Military Balance. The Annual Assessment of Global Military Capabilities and Defence Economics. 2022. The International Institute for Strategic Studies. London: Routledge. Taylor and Francis Group.
7. The Military Balance. The Annual Assessment of Global Military Capabilities and Defence Economics. 2024. The International Institute for Strategic Studies. London: Routledge. Taylor and Francis Group.
8. Леонович А.Н., Тихонович Н.С. 2019. Республика Беларусь на мировых рынках ВВТ // Военно-экономическое развитие в свете глобальных трансформаций. Сборник материалов конференции. М.: ИМЭМО РАН. С. 63-69.
9. Czwole A. 2019. Determinants of Military Cooperation between Belarus and Russia after 2014 // Kwartalnik Bellona. No. 3. P. 37-58.
10. Постсоветские государства на современном этапе: внутривосточная динамика и поиск путей развития (отв. ред. Э.Г. Соловьев). 2024. М.: ИМЭМО РАН. 209 с.
11. Политические процессы на постсоветском пространстве: новые тренды и старые проблемы (отв. ред. Э.Г. Соловьев, Г.И. Чуфрин). 2020. М.: ИМЭМО РАН. 276 с.
12. Banasik M. 2022. The Military Integration of Belarus into the Russian Federation // Safety and Defence. No. 8 (1). P. 8-14.
13. Racz A. 2022. Becoming a Military District. Deepening Military Cooperation between Russia and Belarus // EUISS. European Union Institute for Security Studies. Brief. March. No. 4.
14. Wilk A. 2021. Russia`s Belarusian Army. The Practical Aspects of Belarus and Russia`s Military Integration // OSW Report. Warsaw. March.
15. Zogg B. 2022. Minsk`s Signals: Belarus and the War in Ukraine // Policy Perspectives. November. Vol. 10/14.
16. Зверев Ю.М. 2021. Совместное российско-белорусское учение «Запад-2021»: масштабы, цели, замысел, ход, реакции за рубежом // Евразия. Эксперт. Вып. 3.
17. Huterer M., Sahn A. 2024. Belarus: Sovereignty under Threat // Stiftung Wissenschaft und Politik. German Institute for International and Security Affairs. SWP Comment. June. No. 22.
18. Международная безопасность: новый миропорядок и технологическая революция (отв. ред. А.Г. Арбатов, К.В. Богданов, О.В. Гусарова, М.Г. Евтодьева). 2023. М.: Весь мир. 432 с.
19. Пухов Р.Н. 2024. От «специальной» к «военной». Уроки двух лет операции на Украине // Россия в глобальной политике. № 2. С. 21-36.